

Оригинальная статья / Original Article

Я признателен Юре Апресяну. За что?

© 2025 г. Зигмунт Салони,
профессор Варшавского университета

Я был в контакте с Юрой ровно 60 лет, хотя с самого начала мы знали друг друга только письменно. Непосредственно мы встретились только 45 лет тому назад.

Мой первый контакт с Юрой произошел через книгу — его первую книгу *Идеи и методы современной структурной лингвистики* (1966). Она была издана по-польски в моем переводе в 1971 году. Позже появилось множество переводов на различные языки. Но я был первым переводчиком Юрия Апресяна.

Необходимо добавить, что инициатором польского перевода была Анна Вежбицкая. Я в те годы дружил с ней (а также с ее мужем Петром). Она, как подающий надежды молодой научный работник, была отправлена в 1964 году на полугодовую стажировку в Москву. Она вернулась полная энтузиазма по отношению к чудесно развивающейся молодой московской лингвистической школе. Одним из самых важных ее новых друзей был Юрий Апресян, который только что закончил работу над своей книгой (в предисловии автор поблагодарил нескольких коллег, в том числе А. Вежбицкую, за прочтение рукописи и критические замечания). Она была убеждена, что книга хорошая и может оказать влияние на сообщество польских лингвистов. И она подала мне идею перевести ее. Издание книги в Польше в то время не представляло ни малейшей трудности: для издательства было настоящей радостью, что предложение издать ценную советскую книгу поступило снизу — от читателей.

Одним из первых польских читателей книги (точнее, вторым) был я. Конечно, переводчик старается читать внимательно и понимать переводимое. В то время я искал свое место, сферу, в которой мог бы работать. У меня было не очень четкое стремление внести что-то новое в описание моего родного языка, польского.

Я искал — в математике, в теоретических работах по лингвистике, в языках, которые я немножко знал. Это был прежде всего русский язык, достаточно близкий к польскому. Книга Апресяна просто упала с неба: она была целиком посвящена интересующим меня проблемам и в значительной степени использовала русский материал.

До того, как я начал работать над переводом книги Апресяна, я имел некоторые знания о тогдашнем русском языкознании (во многом благодаря контактам с Аней Вежбицкой и нашей «учительницей», профессором Марией Ренатой Майеновой, которую мы называли фамильярно «пани Рената», а русские обычно величали Марией Львовной). Однако во время перевода книги я многому научился — и общему, и совсем частному, конкретному. Когда теперь я снова перечитал *Идеи и методы современной структурной лингвистики*, я с удивлением обнаружил, что мое первое знакомство с описанием русского именного словоизменения, сделанным Зализняком, произошло через эту книгу. Теперь это для меня очевидные факты, которые я увидел благодаря Зализняку и которые во время работы показывал студентам, например, что синтаксическое согласование и управление не являются объективными данными, что это только методы или приемы описания.

Как только я справился с переводом, я стал читать и углубляться в книгу *Русское именное словоизменение* Андрея Зализняка (1967), одну из двух лингвистических книг, которые произвели на меня самое сильное впечатление. Ее основные идеи были представлены Апресяном (на основе статей и докторской диссертации). Можно сказать, что я познакомился с Андреем благодаря Юре. Встреча с Андреем и общение с ним стали основной целью моей поездки в Москву на рубеже 1978 и 1979 годов. Это было самое интересное событие в моей профессиональной жизни.

Я почувствовал, что нахожусь в центре интеллектуальной жизни мира (хотя тремя годами ранее я побывал в Америке). Были лекции и специальные мероприятия, но прежде всего личные контакты!

Я общался не только с Зализняком и его женой Леной Падучевой, но еще завязал дружбу с его первыми ученицами — Анютой Поливановой, дружба с которой продолжается и по сей день, и Лидой Кнориной, моим лучшим русским корреспондентом, трагически погибшей в 1994 г. Нет также в живых многих моих друзей из того января в Москве: Константина Бабицкого, Алексея Гладкого, Владимира Успенского, Миши Арапова, Никиты Толстого. С Никитой Ильичем и его женой Светланой я был несколько раз в православной церкви, даже на рождественском богослужении.

Беседы с этими людьми были прекрасны. Однако в Москве уже не было человека, которого я хотел встретить, — Игоря Мельчука. Его главная книга *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст»: семантика, синтаксис* вышла в 1974 г. и сразу стала для меня особенно важной. В отличие от *Русского именного словоизменения*, давшего образцово точное описание одной из подсистем конкретного языка (морфосинтаксической), книга Мельчука показывала, как описывать язык, сложную многоуровневую систему — на разных уровнях (особенно переходы между ними). К сожалению, увидеть автора в Москве в 1978 г. было невозможно. (Это мне удалось только почти через 10 лет в Монреале.) К счастью, я уже начал с ним переписываться, задавать вопросы по конкретным решениям и пытаться с ним дискутировать.

Игорь многое оставил в России. Это чувствовалось везде, в разговорах со многими друзьями. Хотя Алик Жолковский, соавтор основной мельчуковской идеи — семантического синтеза, кардинально сменил сферу своих интересов и тоже готовился к эмиграции, другие остались, и они организовались в плотную группу.

Ее возглавил Юрий Апресян, а организационной основой стал научно-исследовательский институт «Информэлектро». Мой первый и плодотворный визит в Москву не имел конкретных формальных рамок. Меня не направили ни в какое учреждение, ни к какому менеджеру, ни к какому опекуну. На самом деле моим реальным начальником был Юрий Апресян, а местом, где я проходил «стажировку», было «Информэлектро» на Садовом кольце.

Я туда ходил как на работу, лучше сказать — я там бывал. Формальной целью деятельности группы была подготовка машинного перевода

с французского на русский язык, фактической — описание этих языков, особенно их синтаксиса, в рамках модели «Смысл↔Текст». Мои коллеги разрабатывали строгие описания каких-то кусков русского синтаксиса. Результаты их работы были для меня интересны, хотя они были очень подробные, детальные. Куда важнее были разговоры, беседы с ними.

Мое присутствие в институте с точки зрения советских порядков было недопустимо. Право входа в институт и пропуск имели только сотрудники. Меня, однако, проводили. Я легко установил теплые отношения с коллегами: Леонидом Иомдиным, Игорем Богуславским, Николаем Перцовым, покойным Владимиром Санниковым и прежде всего, с самим Юрой Апресяном. Я давно знал его научную значимость и эрудицию. Теперь я был восхищен им самим, его умением создавать и руководить командой и вообще его великолепным умением ладить с людьми. Дальнейшая судьба этого коллектива (как уехавших из Москвы в разное время, так и оставшихся) показывает, что это была плодотворная многолетняя работа. И возглавил этот коллектив Юра — каким-то образом, не считаясь с официальными структурами и учеными степенями и сохраняя духовную независимость.

Отношения внутри группы также были далеки от официальных. Дружбя часто приглашали меня в гости, я познакомился с их семьями. Особый характер носило знакомство с покойной женой Юры. Марина Гловинская была частично польского происхождения, и супруги поддерживали сердечные контакты с Польшей. В моей памяти остался один характерный эпизод. В одно из воскресений группа организовала лыжный поход под Москвой. На нем присутствовало около десятка человек, члены группы и друзья, а также дети Апресяна — Митя и Люша. Мне предоставили снаряжение (лыжи и ботинки). На маршруте длинной в несколько километров десятилетняя Люша задавала темп, который мне был едва по силам.

Я вернулся в Польшу полный оптимизма. Я был насыщен новыми научными идеями и планами. Я установил новые интересные контакты и укрепил другие, установленные ранее, особенно с Юрой Апресяном. Мы стали регулярно видеться каждые несколько лет, в Москве и в Варшаве. Встречи с Апресянами, как и в Москве, тоже были отчасти частными, в них участвовала и моя жена Янина. Юра очень хорошо себя чувствовал в Польше, где нашел много друзей. Он стал у нас по-настоящему популярен (вторая его книга *Лексическая семантика* вышла в Польше в 1980 году).

Я хотел как-то выразить благодарность моим русским друзьям. Изначально я задумал подготовить сборник, представляющий достижения российских лингвистов, в первую очередь тех, кто работает в рамках модели «Смысл+Текст». Это было нелегко, Мельчук был политическим эмигрантом, а его ближайший сотрудник Апресян, являвшийся движущей силой всех конкретных работ, был в Москве для властей подозрительным человеком. В частности, по их мнению, он не заслуживал степени доктора наук. Он получил ее только в 1984 году на основании книги *Лексическая семантика*, изданной в 1974 году в Москве, в издательстве «Наука».

Короче говоря, положение Юры, как и всего российского лингвистического сообщества, было сложным и неоднозначным. К тому же у нас были наши собственные польские дела: сначала карнавал «Солидарности», потом военное положение и постоянные экономические проблемы, а также мои собственные неурядицы. В таких условиях — в результате консультаций с российскими

коллегами — я решил изменить профиль планируемого тома: сделать из него сборник, посвященный Юрию Апресяну к его 60-летию.

На самом деле мы немного опоздали: Юра получил изданный в Белостоке том *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* только осенью 1990 года. Нас в некоторой степени оправдывает техническая ситуация. В то время сфера книгопечатания в странах развитого социализма не достигла статуса всеобщей компьютеризации, что было нормой на Западе. Однако фештшриффт Юре мы набрали компьютерно, в основном своими силами.

Это был уже период перестройки. Постепенные изменения происходили как в Польше, так и в России. В 1990 году не все шло как надо, но все шло быстро. Последствия перемен были для Апресяна огромны: он стал академиком, и следующие его юбилеи официально отмечались в Российской академии наук (в них я тоже участвовал). Однако для нас он остался все тем же Юрой, великим ученым и дорогим другом, с которым мы поддерживали связь до его последних дней.